ФАДЕЕВА Елена Викторовна

канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)
Электронная почта: ev_fadeeva@mail.ru

Женщина в традиционной родильной обрядности коренных народов Нижнего Амура

УДК 392.1(941.16)

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/39-47

В статье путём сравнительно-исторического метода анализируются роль и место женских персонажей в традиционной родильной обрядности коренных народов Нижнего Амура (удэгейцев, нанайцев, ульчей, нивхов, орочей, негидальцев, эвенков). Представленные материалы позволяют сделать следующие выводы: во-первых, в силу единой общности проживания и схожего хозяйственно-культурного типа, обряды родовспоможения у народов региона имеют определённые идентичные черты; во-вторых, почти каждый шаг роженицы, а также её ближайших родственников (особенно мужа) был окутан различными запретами, многие из которых, стоит признать, имели рациональную основу. В-третьих, в цикле родильных обрядов магические действия явно преобладали. В-четвёртых, многочисленные роды в тяжёлых условиях, отсутствие должного ухода за роженицей и новорожденным ребёнком приводили к раннему изнашиванию организма женщины и высокой младенческой смертности. Несмотря на это, каждая семья стремилась иметь как можно больше детей, без которых они не видели смысла своего существования.

*родильная обрядность,
женские персонажи,
коренные этносы,
рациональные и
иррациональные
запреты,
магические обряды*

Основной функцией новой семьи коренных этносов Нижнего Амура (удэгейцев, нанайцев, нивхов, негидальцев, ульчей, орочей, эвенков, тазов) было преумножение членов рода. Счастливыми считались те семьи, где было много детей. Ситуация же была таковой, что во многих семьях хотя и рождалось по десять-двенадцать детей, но из-за высокой смертности выживал один или два [31, с. 177; 24, с. 49–50]. Практика лечения бесплодия передавалась от поколения к поколению [15, с. 8–9; 24, с. 44]. Фертильность женщины определялась периодом между появлением первых менструаций и наступлением климакса (45–50 лет) [2, с. 585]. При нерегулярных месячных старые женщины проводили магические ритуалы (Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 41. Л. 32). Во время менструации женщины одевались в старое бельё, подмывались не горячей водой, чтобы хозяйка огня не обиделась; не вступали в половые отношения с мужем [42, с. 305, 417; 14, с. 145–146]. После менструации женщина должна была пройти обряд очищения дымом багульника (Архив МАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 36–37).

Для цитирования:
Фадеева М. С., Женщина в традиционной родильной обрядности коренных народов Нижнего Амура // Известия Восточного института. 2019. № 2. С. 39–47. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/39-47

Народное акушерство имело яркую этническую окраску, проявлявшуюся в особенностях приёма родов, гигиены женщины и т. д. На формирование родильных обрядов народов региона оказали влияние, с одной стороны, тяжёлые условия, в которых традиционно происходили роды, а с другой стороны, отношение к женщине как к источнику потенциальной опасности для промысловой деятельности. В народной культуре факт рождения девочки не был равнозначен рождению мальчика [39, с. 4; 16, с. 177; 19, с. 147]. Рождение мальчика означало появление ещё одного кормильца – рыбака и охотника, продолжателя рода; рождение девочки связывалось с предстоящей помолвкой, калымом и свадьбой [12, с. 344; 17, с. 32; 39, с. 4; 16, с. 177].

Рождение ребёнка всегда было радостным событием, к которому тщательно готовились; подготавливали к родам беременную [12, с. 338; 14, с. 149, 151; 2, с. 375–377; 34, с. 602]. При тяжёлых родах шаманы совершали обряд пропускания беременной через девять обручей из ивовых прутьев, на которых вырезали изображения добрых духов; беременную окуривали дымом багульника; использовали ритуальную скульптуру в виде реальных и мифических животных [7, с. 46; 10, с. 167].

В большинстве случаев беременность переносилась легко: женщина по-прежнему выполняла всю работу по дому, но её жизнь была строго регламентирована магическими запретами, соблюдение которых гарантировало сохранение здоровья и жизни матери и ребёнка: нельзя есть сердце крупных животных, медвежье мясо, мозг белки, рыбу, выметавшую икру и т. п. [7, с. 104; 14, с. 150; 12, с. 339; 15, с. 9; 37, с. 172; ПМА за 2002 г., записано от Геонка С. Ч.]. Согласно поведенческим запретам, беременной запрещалось класть в топку дрова сучьями вперёд, иначе при родах ребёнок пойдёт ножками вперёд, запрещалось смотреть на ледоход, стоять в дверях, подглядывать одним глазом в отверстие окна и т. п. [7, с. 43; 14, с. 150]; (Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 41. Л. 20).

За несколько дней до родов беременная уходила в специально построенный шалаш, который строился либо в виде конического чума, либо в виде двускатного шалаша. По свидетельству информантов, для роженицы делали круглый шалаш, спереди и сзади которого были двери, а посередине – огонь. Нивхский родильный шалаш – лан'раф отличался от нанайского и ульчского тем, что имел двускатную форму и сооружался по типу ветрового заслона [30, с. 84; 5, с. 164; 22, с. 84; 25, с. 2; 20, с. 56; 9, с. 64; 34, с. 600–601; 39, с. 2; 16, с. 171, 179; ПМА за 2001 г., записано от Адян Н. П., Суляндзига Е. И., Казарова А. П., Соловьёвой А. П.]; (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 20. Л. 55; Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 5. Л. 24). В начале XX века стали сооружать для роженицы утеплённую землянку или небольшую срубный домик близ жилищ. К ней в это время могли приходиться только пожилые женщины. Обычно женщина рожала одна, но иногда ей помогала старая женщина. В особо тяжёлых случаях звали на помощь шамана [16, с. 171–172; 14, с. 155]. Дрова, пищу, воду ей подавали через дверь (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 79). Кричать или плакать при родах не разрешалось, чтобы не привлечь зловредных духов; только что родившегося ребёнка обтирали черёмуховыми стружками и завёртывали в одеяльце; девочку заворачивали в мех рыси, белки или молодой кабарги, мальчика – в медвежий мех; чтобы сбить с толку злых духов, использовали целый ряд

названий для ребёнка разных сроков развития [32, с. 118; 28, с. 86; 27, с. 161; 1, с. 150; 4, с. 56; 3, с. 201]; (Архив МАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 81–82, 75, 79; Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 59). Если ребёнок умирал в чреве матери, то бабка-повитуха вытаскивала мёртвый плод руками через влагалище (ПМА за 2002 г., записано от Суляндзига Е. И.).

Женщина считалась «нечистой» после родов в течение месяца, и муж с ней не общался. В противном случае его ждала неудача, а при встрече с тигром или медведем ему грозила неминуемая смерть; кроме этого, считали, что женщине спокойнее находиться в отдельном помещении. Всё это время роженице нельзя было употреблять в пищу дичь, запрещалась половая близость; она должна была ходить в головном платке, поскольку верили, что на макушке человека есть «отверстие», через которое в женщину и плод может забраться «нечистая сила» (ПФА РАН. Ф. 282. Ф. Л. Я. Штернберга. Оп. 1. Д. 85. Л. 132; Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 41. Л. 21; Д. 129. Л. 38); [19, с. 149]. При трудных родах отпирали ящики, распарывали заплаты, развивчивали ружья и т. п. Таким образом, основа запретов для беременных была рациональной [12, с. 339; 6, с. 188–189; 23, с. 100; 36, с. 272; 35, с. 234; 30, с. 193; 15, с. 8; 8, с. 92].

Через 10–14 дней после родов женщина сжигала шалаш и переходила в другой, в котором проводила ещё 10 или 14 суток, после чего она могла вернуться в общее жилище [21, с. 18; 12, с. 341]. Пуповину новорожденного мать обрабатывала дубищем, что способствовало быстрому заживлению раны. Детское место старуха заворачивала в траву и натывала на жердь. После отпадения у ребёнка пупка, жердь с детским местом уносили в тайгу и втыкали около дерева с развилкой так, чтобы она не упала, и звери не съели детское место (ПМА за 2001 г., записано от Охлопковой В. И.). Когда рождались близнецы, нивхские женщины привязывали вокруг пояса стружки и украшали дом. Для присыпки пуповины новорожденного орочи и удэгейцы использовали растёртый корень подорожника [13, с. 111]. Все перечисленные манипуляции с пуповиной носили в себе охранительный характер. Через несколько дней молодая мать приступала к своим обычным хозяйственным заботам [13, с. 85; 26, с. 36; ПМА за 2002 г., записано от Суляндзига Е. И.]; (Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 129. Л. 88–89; Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 79).

От незаконно зачатого ребёнка старались избавиться ещё в чреве матери; если же он рождался, то мать, родившую ребёнка без мужа, родственники нередко не осуждали, осознавая, что сами плохо за ней смотрели [24, с. 63; 41, с. 70; 18, с. 148; ПМА за 2002 г., записано от Суанка Е. Н., Суляндзига Е. И.]; либо старухи заворачивали ребёнка в ненужные тряпки и выбрасывали в лес (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 49; Д. 28. Л. 124); [17, с. 33; 11, с. 25]. После пяти лет волосы детям не стригли, поскольку считалось, что это может повлечь за собой смерть брата или сестры [29, с. 3].

Таким образом, почти каждый шаг в повседневной жизни роженицы был опутан своеобразной системой различных табу [38, с. 36–37]. В родильных обрядах народов Амура можно проследить, во-первых, практическую заботу о бытовой и половой гигиене, во-вторых, магические запреты, соблюдения которых, якобы, облегчали роды. Преобладание последних свидетельствует о глубокой древности последних [8, с. 95]. Для женщины любой родовой акт является испы-

танием и таинством, к которому они должны подготовиться. Чаще всего эта подготовка сводилась к исполнению магических действий, к молитвенным обращениям женщин к своим покровителям, главными из которых считались матери-прародительницы, богини плодородия и рождения. Участники обряда, безусловно, понимали разницу между магическими манипуляциями и рациональными действиями, но верили в реальную силу обряда [34, с. 603]. Роды в отдельном шалаше, происходящие в любое время года и в любую погоду, отсутствие должного ухода за роженицей во время родов и после них, многолетнее вскармливание ребёнка грудью пагубным образом отражались на здоровье женщины [40, с. 2–3; 16, с. 178]. Всё вместе это приводило к малочисленности коренных народов региона, медленному взрослению детей, а также к диспропорции между мужской и женской частями населения. Одним из методов христианизации было улучшение быта и культуры народов. В связи с этим все начальники округов получили распоряжение о сооружении для рожениц тёплых помещений (РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 11).

В целом родильные обряды нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей и нивхов идентичны. Возможно, в Нижнеамурском регионе в результате длительных культурных связей сложились близкие архаичные формы обрядности, связанные с родами и воспитанием детей. Некоторые черты этой обрядности (запутывание следа новорожденного, использование колыбельных оберегов и оберегов на одежде, особое захоронение младенцев), видимо, были характерны и для всей Сибири [7, с. 74–75]. Магические действия явно преобладали в цикле родильных обрядов. Характерно, что у этих народов не сложилось представление о единой богине-покровительнице родов.

Таким образом, применение сверхъестественных приёмов родовспоможения предполагало достижение народным акушерством нескольких целей, а именно: вмешательство в родовый акт доброй силы; запутывание злых сил; мобилизацию рожавшей женщины на самопомощь; побуждение плода к скорейшему рождению. Объяснима и схожесть подобных обрядовых действий у различных народов.

Стоит отметить, что до начала 1930-х годов неизвестны случаи родов, например, эвенкиек в больницах. Вообще в обращении за медицинской помощью женщины были более консервативны, чем мужчины. Перелом обычно наступал после удачно оказанной медицинской помощи детям. Матери приносили в больницу других детей и лечились сами [33, с. 192, 193].

У негидальцев, например, до сих пор существуют следующие запреты – аядви: беременным женщинам нельзя наступать или переступать дерево, а также завязывать узелки – будет трудно рожать. Так, одна из респонденток А. П. Самара говорила, что когда ей в феврале при родах делали кесарево сечение, она вспомнила, что осенью завязывала верёвку, когда собирала черемуху. Запрещается стоять у двери, тем самым «провоцируются» тяжёлые роды. Пуповину завязывают и отдают ребёнку перед школой (Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Ф. 1. Фонд А. П. Самара. Оп. 2. Д. 599. Т. 2. Материальная и духовная культура народов Нижнего Амура. Этнографические исследования 2004–2005 гг. Л. 207, 222–223).

На сегодня все женщины коренных малочисленных этносов Нижнего Амура, безусловно, рожают в сельских или городских род-

домах под присмотром квалифицированных медицинских работников.

Литература

1. Арсеньев В. К. Лесные люди – удэгейцы // Арсеньев В. К. Сочинения. Т. 5. – Владивосток, 1948. 221 с. С. 139–188.
2. Белиловский К. А. Женщина инородцев Сибири (медико-этнографический очерк) / Оттиск из: Сборник работ по акушерским и женским болезням, посвященный проф. К. Ф. Славянскому в 25-летие его врачебно-учёной деятельности. – СПб.: б. и., 1894. С. 527–629.
3. Березницкий С. В. Влияние верований и обрядов на формирование культуры традиционного общества коренных народов Приамурья и Сахалина // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 201–203.
4. Березницкий С. В. Мифология и верования орочей. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1999. 188 с.
5. Браиловский С. Н. Тазы, или удихэ: Опыт этнографического исследования. (Отдельный оттиск из журн. «Живая старина»). – СПб.: Изд. ИАН, 1901. 219 с.
6. Василевич Г. М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.). – Л.: Наука, 1969. 304 с.
7. Гаер Е. А. Древние бытовые обряды нанайцев. – Хабаровск: Кн. Изд-во, 1991. 142 с.
8. Гаер Е. А. Родильные обряды у нанайцев и ульчей // Проблемы историко-культурных связей народов Дальнего Востока: сборник научных трудов. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 87–95.
9. Золотарёв А. М. Родовой строй и религия ульчей. – Хабаровск: Дальгиз, 1939. 206 с.
10. Иванов С. В. Представления нанайцев о человеке и его жизненном цикле // Человек и природа в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука. ленингр. отд-ние, 1976. С. 161–188.
11. История и культура орочей: историко-этнографические очерки / Отв. ред. В. А. Тураев; коллектив авторов. – СПб.: Наука, 2001. 176 с.
12. Крейнович Е. А. Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. – М.: Наука, 1973. 496 с.
13. Ларькин В. Г. Орочи: Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней. – М.: Наука, 1964. 175 с.
14. Липская-Вальронд Н. А. Материалы к этнографии гольдов // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1925. Вып. III – IV. С. 145–160.
15. Липский А. Н. Элементы религиозно-психологических представлений гольдов (Предварительный очерк). – Чита: Тип. Губсоюза Забайкальских кооперативов, 1923. 58 с.
16. Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования // Записки ОИАК Владивостокского отделения ПОРГО. – Владивосток, 1922. Т. XVII. 372 с.
17. Маргаритов В. П. Об орочах Императорской гавани. – СПб.: ИАН, 1888. 56 с.
18. Мейер Е. Е. Письма с Амура. К С. В. М. // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. – Южно-Сахалинск: Сах. обл. краевед. музей, 2000. № 7. С. 119–156.
19. Мельникова Т. В. Традиционная одежда нанайцев (XIX – XX вв.). Диссертация... кандидата ист. наук... – Владивосток, 2000. 300 с.
20. Миссионерская поездка начальника Камчатской духовной миссии к орочам, обитающим в пределах Императорской Гавани в конце 1895 и начале 1896 г. – Б. г., б. м. 56 с.
21. Надаров И. П. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края по результатам путешествия генерального штаба подполк. Надарова 1882/1883 г. –

Владивосток: б. и., 1884. 37 с.

22. Надаров И. П. Северо-Уссурийский край // Записки ИРГО по общей географии. – СПб., 1887. Т. XVII. № 1. 168 с.

23. Онинка А. Материал по работе среди женщин у нанайцев Хабаровского округа // Тайга и тундра, 1930. № 2. С. 97–104.

24. Перехвальская Е. В. Удэгейцы. – СПб.: б. и., 1994. 95 с.

25. Пилсудский Б. О. На медвежьем празднике айнов о-ва Сахалина // Живая старина. Т. XXIII, вып. 1–2. – Пг.: Типогр. В. Д. Смирнова, 1914–1915.

26. Подмаскин В. В. Духовная культура удэгейцев XIX – XX вв. Историко-этнографические очерки. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 160 с.

27. Подмаскин В. В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX – XX вв. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1998. 227 с.

28. Подмаскин В. В. Рождение, воспитание и социализация детей и подростков у народов Нижнего Амура и Сахалина в конце XIX – начале XX в. // Семья и семейный быт в восточных регионах России. – Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 82–93.

29. Рыжков А. Девушка из стойбища Чайво // Тихоокеанская звезда. 1940, № 283 (5 декабря 1940 г.). С. 3.

30. Сем Ю. А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.): этнографические очерки. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1973. 313 с.

31. Смоляк А. В. Похоронная обрядность: Нанайцы. Ульчи. Негидальцы. Орочи. Удэгейцы. Нивхи // Семейная об-

рядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. – М.: Наука, 1980. С. 177–199.

32. Смоляк А. В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1966. 290 с.

33. Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. – М.: Наука, 1969. 216 с.

34. Фатыхов С. Г. Мировая история женщины: Опыт сравнительной фактографии. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. 788 с.

35. Ходжер Г. Г. Амур широкий: роман. Кн. 1. Конец большого дома. – М.: Сов. Россия, 1975. 320 с.

36. Ходжер Г. Г. Конец большого дома. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. 368 с.

37. Цинциус В. И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – нач. XX в. – Л.: Наука, 1971. С. 170–200.

38. Цинциус В. И. Обрядовый фольклор негидальцев, связанный с промыслом // Фольклор и этнография: обряды и обрядовый фольклор. – Л.: Наука, 1974. С. 34–41.

39. Шимкевич П. П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия // Этнографическое обозрение. 1897. № 3, Кн. 34. С. 1–20.

40. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 2. – СПб.: б. и., 1899. 314 с.

41. Штернберг Л. Я. Гиляки // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. XVIII. № 4. С. 66–119.

42. Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: б. и., 1933. 740 с.

Elena V. FADEEVA

Ph. D. (in History), Senior Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
E-mail: ev_fadeeva@mail.ru

A woman in the Traditional Birthing Rites of the Indigenous Peoples of the Lower Amur

UDC 392.1(941.16)

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/39-47

The article analyzes the role and place of female characters in the traditional birthing ritual of the indigenous peoples of the Lower Amur (Udege, Nanai, Ulchi, Nivkh, Oroch, Negidal, Evenki) using a comparative historical method. The presented materials allow us to draw the following conclusions: firstly, due to a single community of residence and a similar economic and cultural type, the rites of obstetric care among the peoples of the region have certain identical features; secondly, almost every step of the woman in labor, as well as her immediate relatives (especially her husband), was shrouded in various prohibitions, many of which, as it must be admitted, had a rational basis. Thirdly, in the cycle of the birthing rites, magical actions clearly prevailed. Fourthly, the numerous births in difficult conditions, the lack of proper care for the woman and the newborn child led to early wear of the woman's body and high infant mortality. Despite this, each family sought to have as many children as possible, without which they could not see the meaning of their existence.

*maternity ritual,
female characters,
indigenous ethnic groups,
rational and irrational
prohibitions,
magical rites*

For citation: Fadeeva E. V. A woman in the traditional birthing rites of the indigenous peoples of the Lower Amur // Oriental Institute Journal. 2019. № 2. P. 39–47. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/39-47

References

1. Arsen'ev V. K. Lesnye lyudi – udekhkejtsy // Arsen'ev V. K. Sochineniya. T. 5. – Vladivostok, 1948. 221 s. S. 139–188.
2. Belilovskij K. A. ZHenshhina inorodtsev Sibiri (mediko-ethnograficheskiy ocherk) / Ottisk iz: Sbornik rabot po akusherskim i zhenskim boleznyam, posvyashhyonnyj prof. K. F. Slavyanskomu v 25-letie ego vrachebno-uchyonoj deyatel'nosti. – SPb.: b. i., 1894. S. 527–629.
3. Bereznitskij S. V. Vliyanie verovanij i obryadov na formirovanie kul'tury traditsionnogo obshhestva korennykh narodov Priamur'ya i Sakhalina // Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanij arkheologov i etnografov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1994–1996 godakh. – Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2000. S. 201–203.
4. Bereznitskij S. V. Mifologiya i verovaniya orochej. – SPb.: Peterburg. vostokovedenie, 1999. 188 s.
5. Brailovskij S. N. Tazy, ili udikheh: Opyt etnograficheskogo issledovaniya. (Otdel'nyj ottisk iz zhurn. «ZHivaya starina»). – SPb.: Izd. IAN, 1901. 219 s.
6. Vasilevich G. M. EHvenki: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nach. XX v.). – L.: Nauka, 1969. 304 s.
7. Gaer E. A. Drevnie bytovye obryady nanajtsev. – Khabarovsk: Kn. Izd-vo, 1991. 142 s.
8. Gaer E. A. Rodil'nye obryady u nanajtsev i ul'chej // Problemy istoriko-kul'turnykh svyazej narodov Dal'nego Vostoka: sbornik nauchnykh trudov. –

Vladivostok: DVO AN SSSR, 1989. S. 87–95.

9. Zolotaryov A. M. Rodovoj stroj i religiya ul'chej. – Khabarovsk: Dal'giz, 1939. 206 s.

10. Ivanov S. V. Predstavleniya nanajtsev o cheloveke i ego zhiznennom tsikle // Chelovek i priroda v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). – L.: Nauka. lenigr. otd.-nie, 1976. S. 161–188.

11. Istoriya i kul'tura orochej: istoriko-ethnograficheskie ocherki / Otv. red. V. A. Turaev; kollektiv avtorov. – SPb.: Nauka, 2001. 176 s.

12. Krejnovich E. A. Nivkhgu: Zagadochnye obitateli Sakhalina i Amura. – M.: Nauka, 1973. 496 s.

13. Lar'kin V. G. Orochi: Istoriko-ethnograficheskij ocherk s serediny XIX v. do nashikh dnei. – M.: Nauka, 1964. 175 s.

14. Lipskaya-Val'rond N. A. Materialy k ethnografii gol'dov // Sibirskaya zhivaya starina. – Irkutsk, 1925. Vyp. III – IV. S. 145–160.

15. Lipskij A. N. EHlementy religiozno-psikhologicheskikh predstavlenij gol'dov (Predvaritel'nyj ocherk). – CHita: Tip. Gubsoyuza Zabajkal'skikh kooperativov, 1923. 58 s.

16. Lopatin I. A. Gol'dy amurskie, ussurijskie i sungarijskie: Opyt ethnograficheskogo issledovaniya // Zapiski OIAK Vladivostokskogo otdeleniya PORGO. – Vladivostok, 1922. T. XVII. 372 s.

17. Margaritov V. P. Ob orochakh Imperatorskoj gavanj. – SPb.: IAN, 1888. 56 s.

18. Mejer E. E. Pis'mas Amura. KS. V. M. // Vestnik Sakhalinskogo muzeya. Ezhegodnik Sakhalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. – YUzhno-Sakhalinsk: Sakh. obl. kraeved. muzej, 2000. № 7. S. 119–156.

19. Mel'nikova T. V. Traditsionnaya odezhda nanajtsev (XIX – XX vv.). Dissertatsiya... kandidata ist. nauk... – Vladivostok, 2000. 300 s.

20. Missionerskaya poezdka nachal'nika Kamchatskoj dukhovnoj missii k orochonom, obitayushhim v predelakh Imperatorskoj Gavanj v kontse 1895 i nachale 1896 g. – B. g., b. m. 56 s.

21. Nadarov I. P. Ocherk sovremennogo sostoyaniya Severo-Ussurijskogo kraya po rezul'tatam puteshestviya general'nogo shtaba podpolk. Nadarova 1882/1883 g. – Vladivostok: b. i., 1884. 37 s.

22. Nadarov I. P. Severo-Ussurijskij kraj // Zapiski IRGO po obshhej geografii. – SPb., 1887. T. XVII. № 1. 168 s.

23. Oninka A. Material po rabote sredi zhenshhin u nanajtsev Khabarovskogo okruga // Tajga i tundra, 1930. № 2. S. 97–104.

24. Perekhval'skaya E. V. Udehgejtsy. – SPb.: b. i., 1994. 95 s.

25. Pilsudskij B. O. Na medvezh'em prazdnike ajnov o-va Sakhalina // ZHivaya starina. T. XXIII, vyp. 1–2. – Pg.: Tipogr. V. D. Smirnova, 1914–1915.

26. Podmaskin V. V. Dukhovnaya kul'tura udehgejtsev XIX – XX vv. Istoriko-ethnograficheskie ocherki. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1991. 160 s.

27. Podmaskin V. V. Narodnye znaniya udehgejtsev: istoriko-ethnograficheskoe issledovanie po materialam XIX – XX vv. – Vladivostok: Izd-vo DVO RAN, 1998. 227 s.

28. Podmaskin V. V. Rozhdenie, vospitanie i sotsializatsiya detej i podrostkov u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina v kontse XIX – nachale XX v. // Sem'ya i semejnyj byt v vostochnykh regionakh Rossii. – Vladivostok: Dal'nauka, 1997. S. 82–93.

29. Ryzhkov A. Devushka iz stobjishha CHajvo // Tikhookeanskaya zvezda. 1940, № 283 (5 dekabrya 1940 g.). S. 3.

30. Sem YU. A. Nanajtsy. Material'naya kul'tura (vtoraya polovina XIX – seredina XX v.): ethnograficheskie ocherki. – Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1973. 313 s.

31. Smolyak A. V. Pokhoronnaya obryadnost': Nanajtsy. Ul'chi. Negidal'tsy. Orochi. Udehgejtsy. Nivkhi // Semejnaya obryadnost' narodov Sibiri: Opyt sravnitel'nogo izucheniya. – M.: Nauka, 1980. S. 177–199.

32. Smolyak A. V. Ul'chi: KHozyajstvo, kul'tura i byt v proshlom i nastoyashhem. – M.: Nauka, 1966. 290 s.

33. Tugolukov V. A. Sledopyty verkhom na olenyakh. – M.: Nauka, 1969. 216 s.

34. Fatykhov S. G. Mirovaya istoriya zhenshhiny: Opyt sravnitel'noj faktografii. – Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informatsii,

2004. 788 s.

35. KHodzher G. G. Amur shirokij: roman. Kn. 1. Konets bol'shogo doma. – M.: Sov. Rossiya, 1975. 320 s.

36. KHodzher G. G. Konets bol'shogo doma. – Khabarovsk: Kn. izd-vo, 1969. 368 s.

37. TSintsius V. I. Vozzreniya negidal'tsev, svyazannye s okhotnich'im promyslom // Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nach. XX v. – L.: Nauka, 1971. S. 170–200.

38. TSintsius V. I. Obryadovyj fol'klor negidal'tsev, svyazannyj s promyslom // Fol'klor i etnografiya: obryady i obryadovyj

fol'klor. – L.: Nauka, 1974. S. 34–41.

39. SHimkevich P. P. Nekotorye momenty iz zhizni gol'dov i svyazannye s zhizn'yu sueveriya // Ehtnograficheskoe obozrenie. 1897. № 3, Kn. 34. S.1–20.

40. SHrenk L. I. Ob inorodtsakh Amurskogo kraya. T. 2. – SPb.: b. i., 1899. 314 s.

41. SHternberg L. YA. Gilyaki // Ehtnograficheskoe obozrenie. 1904. Kn. XVIII. № 4. S. 66–119.

42. SHternberg L. YA. Gilyaki, orochi, gol'dy, negidal'tsy, ajny. – Khabarovsk: b. i., 1933. 740 s.